Текст · 24 мая 2022, 10:37
Максим Бутченко,

Вожаки подъездов и президенты домов. Как живет украинский Северодонецк, оказавшийся главной целью российского наступления

Еще недавно фактической столицей Луганщины, оставшейся под контролем Киева, был Северодонецк — именно туда после захвата Луганска в 2014 году переехала администрация области. Теперь город оказался одной из главных целей российской армии и находится под ежедневными обстрелами и авиаударами. Его население сократилось в десятки раз, а оставшиеся выживают без света, воды и лекарств, объединяясь в локальные «племена». «Медиазона» поговорила с социальным активистом из Северодонецка Арифом Багировым, который до последнего не покидал родной город, помогая старикам и брошенным животным.

---

21 мая 45-летний житель Северодонецка Ариф Багиров проехал на велосипеде 65 км. Именно такое расстояние отделяет его родной город, осажденный российскими войсками, от Бахмута, контролируемого украинскими вооруженными силами. На протяжении шести часов он почти непрерывно крутил педали. Багиров покинул свой дом после того, как в квартиру этажом ниже попал снаряд. То, что снаряд не разорвался, мужчина называет чудом, потому что на его глазах от таких «прилетов» сгорали целые подъезды, часто вместе

с ранеными жителями. Его квартира пострадала, из окон вылетели стекла, но он остался жив.

Ариф Багиров. Фото из личного архива

Решив покинуть город, Багиров запланировал выезд на 9:00. Но с утра накрапывал дождь, поэтому он решил повременить и задержался дома на пару часов. Когда он миновал центральные районы и добрался до моста, который связывает Северодонецк с Лисичанском, он понял, что небо снова заступилось за него — после ударов российского миномета мост был практически разрушен. Обстрел пришелся примерно на то время, когда Багиров, по своей первоначальной задумке, должен был пересекать реку.

Он ехал на велосипеде, останавливаясь, только когда бомбы рвались вдоль трассы Т 1302 — именно за нее сейчас развернулись основные бои. Причина проста: контроль над этим шоссе позволяет Украине продолжать поставки как гуманитарных, так и военных грузов в те части Луганской области, которые контролирует Киев. Так что Багиров несколько раз бросал велосипед на шоссе и отлеживался в кювете под рев вражеских самолетов и звуки близких взрывов.

«Я думал, что выеду из Севера[1] и буду ехать, петь песенки. А не тут-то было, война гонит меня по пятам. Но как только я приехал в Бахмут, просто упал обессиленный на землю. Ко мне тут же подскочили

ребята из спасательной службы, думали, мне плохо. Но мне было хорошо, я был счастлив, что смог вырваться из пекла», — говорит мужчина.

Из стотысячного[2] населения в Северодонецке сейчас осталось менее 10 тысяч человек, в основном старики и малоимущие.

Как все начиналось

Война пришла в Северодонецк с воздуха. 24 февраля российские войска нанесли ракетный удар по местному аэропорту. Грохот от взрыва разбудил весь город, сонные жители выглядывали из окон многоэтажек и видели, как черный дым застилает горизонт. В этот момент, вспоминает Багиров, многие поняли, что война будет серьезной.

Первый массированный обстрел из артиллерии и системы реактивного залпового огня «Град» пришелся на 8 марта. Перечисление адресов, куда прилетели российские снаряды, показывает беспорядочность стрельбы: от улицы Курчатова, 17а (детский сад № 42) до Менделеева, 43. Расстояние между ними — 4 километра. Число жертв этого хаотичного обстрела получилось круглым: 10 погибших, 10 раненых.

Как оказалось, это была лишь репетиция. В дальнейшем прилеты в Северодонецке отмечались ежедневно. Больше всего от них страдали южные районы города с яркими названиями, распространенными среди местных: «Бродвей» — 78-й микрорайон, «Бомбей» — 77-й микрорайон,

«Пентагон» — 79-й микрорайон. Они были ближе к самопровозглашенной ЛНР, откуда била российская артиллерия.

Ракета у Дворца культуры химиков, Северодонецк. Фото: Ариф Багиров

Точное число жертв в Северодонецке назвать трудно: бывали дни с четырьмя погибшими, бывали — с двенадцатью. В любом случае счет идет на сотни, Багиров полагает, что можно говорить как минимум о тысяче убитых гражданских. Посреди города появилось множество могил. Если тело изуродовано или без головы и человека нельзя опознать, могила остается безымянной. На местное кладбище Вороново давно нет доступа, его постоянно обстреливает российская артиллерия, поэтому хоронят, бывает, прямо во дворах — либо на новом, появившемся за месяцы войны кладбище на окраине.

«Вначале что сделали "асвабадители" — это освободили нас от прежней, вполне комфортной жизни», — вздыхает Багиров.

Мартовские обстрелы приходились исключительно на объекты инфраструктуры: АЗС, электровводы, газовые магистрали. Когда залпами вражеского огня перебивали высоковольтные линии, в домах пропадал свет. Люди стали выезжать из города. С первых дней мая в Северодонецке нет ни электричества, ни воды, ни газа.

Жизнь племен

Северодонецк живет по несколько другим законам, чем остальные украинские города. По словам местных жителей, в первые же дни войны его покинули чиновники администрации и других органов управления, включая военкомат. Сейчас власть представлена лишь патрульной полицией, которая базируется в Лисичанске, и военными, занявшими позиции на городских окраинах.

Тех, кто до последнего остается в Северодонецке, Багиров описывает так: чаще это люди пенсионного возраста, которые говорят, что «умрут здесь, им некуда ехать; они не мешают армии, не хотят быть беженцами, не верят, что будут сильно разрушать здания».

В 2014 году в самом городе крупных боев и разрушений не было, а украинские части вернули контроль над Северодонецком относительно быстро — за два месяца. На этом опыте, вероятно, и основывается оптимизм пожилых северодончан.

Другая категория остающихся — это хозяева домашних животных, которые откладывают эвакуацию, оправдываясь фразами вроде: «Куда я

попрусь с четырьмя котами?». Известен Багирову и вовсе уникальный случай: его знакомый вывез своих четверых детей на безопасную территорию, а сам вернулся и оборудовал в отведенном под спортзал подвале многоэтажки приют для одиноких стариков. Багиров тоже активно занимался волонтерством: ему передавали продукты, а он развозил их двадцати своим подопечным, в основном бабушкам. Уезжая, он оставил свой пикап в городе.

Что касается снабжения, ситуация в Северодонецке относительно стабильная, рассказывает Багиров. Патрульные и волонтеры доставляют продукты и воду в многоэтажки, если среди оставшихся жителей находится человек с лидерскими качествами, способный на уровне подъезда или дома организовать раздачу.

«По большому счету мы вернулись к племенному строю. Тут вожаки улиц, старосты или самопровозглашенные президенты домов. Шутки шутками, но именно так люди и выживают», — рассказывает он.

На тех же началах, по словам Багирова, организованы и придомовые полевые кухни — борщ готовят прямо у лавочек возле подъезда.

Наличие «вожака» среди соседей дает еще одно важное преимущество: координацию при тушении пожаров. Прилетов с каждым днем становится все больше, пожары все обширнее, а пожарной службы в городе не осталось. Навыков и опыта тушения у гражданского населения нет, но Багиров говорит, что

«жизнь научила», и когда вспыхивал огонь, люди бросались его тушить, как умели.

Житель Северодонецка тушит пожар. Фото: Ариф Багиров

«Мы тушили сараи, гаражи, как в кино видели. Огнетушители вытащили с одного разрушенного здания. Приходилось учиться, как самим себя обеспечивать, от безопасности до пропитания», — вспоминает он.

По его словам, именно благодаря «племенным общинам» многоэтажек мародерство в Северодонецке остается редким явлением: соседи присматривают за опустевшим жильем.

Куда хуже обстояло дело с лекарствами, продолжает Багиров. Пункт раздачи медикаментов находится в городской многопрофильной больнице, которая расположена на северной окраине. Общественный транспорт давно не ходит, и пожилым людям добраться туда трудно, в отсутствие лечения некоторые умирают. Багирову известен как минимум один такой случай: женщина в возрасте, скончавшаяся во время войны от инфаркта.

С медицинской помощью тоже все плохо. До недавнего времени в больнице оставались три врача и пять медсестер, но мощная бомбардировка учреждения поставила под вопрос продолжение работы. При этом в стационаре до сих пор остаются

около 20 пациентов, хотя часть больных и раненых уже вывезли.

Хаос и с пенсиями. На карточку местным пенсионерам деньги приходят, но в городе не работает ни один банкомат. Получить их можно двумя способами: дать свою карточку волонтеру, который снимет пенсию в Днепре и привезет наличные, или воспользоваться услугами дельца, который предоставляет такую же услугу, но за 10%.

К слову, подобный нелегальный бизнес много лет существовал в самопровозглашенных ЛНР и ДНР. Пенсионеров привозили в украинские города, прописывали временно в одной квартире по 50—70 человек, а когда на карточки им приходила украинская пенсия, организаторы «пенсионного тура» получали вознаграждение. Иногда речь шла о 30% от выплаты. Суммы колебались от 300 до 500—700 долларов: шахтерские пенсии по меркам Украины были довольно высокими.

Другая дорогостоящая услуга в прифронтовых городах — грузоперевозки. Одна из самых крупных украинских служб доставки «Новая почта» вынуждена была закрыть свои отделения в Северодонецке, и нишу тут же заняли нелегальные перевозчики. Частники закладывают в цену доставки риск погибнуть по дороге. Так, за 10 тысяч гривен[3]

можно передать тяжелую посылку. Багиров говорит, что так его приятель вывез из Северодонецка свой мотоцикл. Если речь идет о более крупных грузах, например мебели, то ставка повышается до 40 тысяч гривен[4].

Но не все сводится к материальным ценностям. Багиров рассказывает, что приложил немало усилий, чтобы эвакуировать из Лисичанска музей украинского поэта Владимира Сосюры и археологический музей университета имени Владимира Даля (Восточноукраинского национального университета). Он вспоминает, что отобрать экспонаты из археологического музея ему помогли оставшиеся студенты. Набралось шесть ящиков. Волонтер погрузил их в свой пикап, перевез в бомбоубежище, а в середине апреля передал приехавшим в Лисичанск представителям министерства культуры.

Спасал Багиров и бездомных животных, лишившихся хозяев. «Картина сюрреалистическая: по помойке лазит британская или шотландская кошечка. В подвал спускаешься, а там как выставка кошек. Разные, породистые. Люди не то чтобы бросали, но перед ними стоял выбор: спасать свою жизнь, семью или остаться ради кошечки. Я людей понимаю. Многие продавали животных. У меня вот собралось примерно 20 котов подопечных. Им возил еду. Собаки тоже бегают. Из разбомбленных домов. Много стало бегать, когда полыхали пожары в полностью разрушенных близлежащих селах. И да, поселки полностью стерты с лица земли», — говорит он.

Чужой среди своих

Настроения среди местных жителей Багиров знает и готов описывать детально. Часть оставшихся ждет прихода российской армии, признает он, но замечает:

и среди «ожидающих» заметны мировоззренческие сдвиги.

«Понятно, что есть "ватники", есть такие, кто кричал украинской армии: "Давайте уходите!". Но чем больше падает российских ракет на их горячие головы, тем сильнее они остывают. Есть некоторые умеренные ватники. Например, у меня в подвале бабушка-ватница очень интеллигентного вида, воспитательница, которая говорит, что при совке ей было хорошо. А затем рассказывает об украинских биолабораториях. А я говорю: "От чьих бомб вы здесь прячетесь? Лично меня хотят убить русские". Ей нечем крыть. Они еще киселевскими нарративами пользуются, которые успели услышать в первые дни войны», — рассказывает Багиров.

Разрушенный дом в Северодонецке. Фото: Ариф Багиров

Бывали в городе, говорит он, и случаи прямого предательства: среди местных жителей находились корректировщики, которые наводили российскую артиллерию. Несколько раз их ловили-, утверждает Багиров; от военных он слышал, что сумма вознаграждения, которое россияне платили завербованному корректировщику, начиналась от тысячи долларов. Одного из них — работника местного завода «Азот» — вычислили именно благодаря внезапной премии, объясняет Багиров.

На самом деле «Азот», где до войны работали 8 тысяч человек, почти разрушен, как и все основные производства в Северодонецке. Разбомбили россияне и завод «Стеклопластик», который в 1960-х разработал экспериментальный микроавтобус «Старт» — его можно видеть в кадрах «Кавказской пленницы».

«Вернусь ли я? — рассуждает Багиров. — Жить в разбитой квартире при россиянах, если, конечно, первым не загремлю в подвал? Если город захватят, то туда вернуться сможет лишь часть людей, выехавших в Россию к родственникам. На его восстановление нужно потратить сотни миллионов долларов, а зачем это оккупантам, когда город будет оставаться полупустым — у людей банально разрушены квартиры и дома. Вся заковырка вот еще в чем: после всех этих разрушений и пожаров, разбитых предприятий и безработицы это будет тот Северодонецк, который мы знали, или уже совершенно другой город? Думаю, ответ очевиден».

Редактор: Дмитрий Ткачев

Материал подготовлен при поддержке «Фонда Бориса Немцова за свободу».

1. Так местные жители называют Северодонецк.

2. 112 тысяч человек, по данным на 2020 год.

3. Около 300 долларов.

4. Около 1 300 долларов.